УС
507
Ал

*Проф. А. С. Алексѣевъ.*

# КЪ УЧЕНІЮ
# О
# ЮРИДИЧЕСКОЙ ПРИРОДѢ
## ГОСУДАРСТВА и ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ.

МОСКВА.
Типо-литографія Высоч. утвержд. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°,
Пименовская ул., соб. домъ.
1894.

10 К-

1163
3 г

Дозволено цензурою. Москва, 5 ноября 1894 года.

# Къ ученію о юридической природѣ государства и государственной власти.

(По поводу *Эмпирическихъ изслѣдованій* д-ра Лингга *) и *Субъективнаго реализма* проф. Коркунова **).

„In der Negation dauernd zu verharren ist das Vorrecht des Beschränkten, zumal Negiren so leicht, Schaffen so schwer ist. Mit einem Federzug kann der Werth der Gedankenarbeit eines Jahrhunderts geleugnet werden von dem, der nicht im Stande ist sie zu begreifen".

*Jellineck.*

## ВВЕДЕНІЕ.

### Нѣсколько предварительныхъ замѣчаній о тѣхъ требованіяхъ, которымъ должно удовлетворять опредѣленіе государства.

Прежде чѣмъ опредѣлить извѣстное явленіе, необходимо выяснить себѣ ту точку зрѣнія, съ какой намѣреваешься изучить это явленіе. Эти точки зрѣнія очень разнообразны,—онѣ такъ же разнообразны, какъ разнообразны различныя области человѣческаго знанія, изъ которыхъ каждая имѣетъ свою задачу и свою методу изслѣдованія. Бракъ можетъ быть предметомъ изученія и физіолога, и антрополога, и юриста, и каждый дастъ свое опредѣленіе и подойдетъ къ объясненію явленія своимъ путемъ. Извлеченное изъ земли, древнее изваяніе можетъ заинтересовать въ одинаковой степени и естествоиспытателя, который пожелаетъ опредѣлить его химическій составъ, и эстетика, который посмотритъ на него, какъ на произведеніе искусства, и примѣнитъ къ нему пріемы художественной критики, и историка, который взглянетъ на него, какъ на памятникъ прошлаго. И химикъ, и эстетикъ, и историкъ разсмотрятъ одну и ту же вещь съ особой стороны и придутъ къ особымъ выводамъ. И чѣмъ болѣе каждый изъ нихъ останется въ своей области и воспользуется пріемами, свойственными его наукѣ, тѣмъ

*) *D-r Emil Lingg:* „Empirische Untersuchungen zur allgemeinen Staatslehre".

**) *Коркуновъ:* „Указъ и законъ".

надежнѣе и тѣмъ цѣннѣе будутъ добытые имъ выводы. Но ни одинъ изъ нихъ не дастъ всесторонняго опредѣленія и не исчерпаетъ предмета изученія: онъ долженъ будетъ предоставить окончательные выводы той наукѣ, которая объединяетъ всѣ отрасли знанія.

Такою наукой, во всякомъ случаѣ, не является юриспруденція: она, какъ и химія, какъ и эстетика, какъ и исторія, изучаетъ только опредѣленный кругъ явленій, и изучаетъ ихъ лишь съ извѣстной стороны.

Между тѣмъ, представители современной юриспруденціи, въ особенности тѣ изъ нихъ, которые работаютъ въ области публичнаго права, склонны видѣть въ своей наукѣ какую-то привилегированную науку, которая должна изучать общественныя явленія со всѣхъ возможныхъ точекъ зрѣнія.

Въ самомъ дѣлѣ, подъ вывѣской государственнаго права преподносится публикѣ крайне разнообразная пища, составленная изъ самыхъ разнородныхъ ингредіентовъ, трудно переваримыхъ даже для самыхъ крѣпкихъ умовъ. И о чемъ только ни толкуется въ этихъ изслѣдованіяхъ по государственному праву: тутъ и политическія разсужденія, и соціологическіе этюды, и психологическіе анализы, и философскія размышленія; авторы этихъ изслѣдованій смѣлымъ шагомъ введутъ васъ въ дебри давно минувшихъ временъ и щедрою рукой снабдятъ васъ и антропологическими, и этнографическими, и археологическими свѣдѣніями; вы обойдете подъ ихъ руководствомъ весь земной шаръ и не минуете ни безводныхъ африканскихъ пустынь, ни дремучихъ лѣсовъ Америки; но они познакомятъ васъ и съ политикой дня: то вы услышите голосъ оратора, излагающаго свою политическую программу, то зажужжитъ надъ вашимъ ухомъ назойливая болтовня газетнаго политикана... Во всѣхъ сферахъ знанія эти публицисты сознаютъ себя хозяевами, только развѣ въ области строго-юридическихъ вопросовъ они ощущаютъ нѣкоторую неловкость.

*Неумѣнье понять задачу государственнаго права, какъ науки юридической, держаться въ предѣлахъ изслѣдованія и пользоваться пріемами изслѣдованія, вытекающими изъ этой задачи, является, несомнѣнно, главною причиной неуспѣшности ученыхъ работъ въ этой области.* И если за послѣдніе годы появились крупные труды, представляющіе собою дѣйствительно шагъ впередъ въ нашей наукѣ, то мы этимъ обязаны тому направленію, которое ставитъ себѣ цѣлью—изучать государство съ юридической—и только съ юридической—стороны, предоставляя другимъ наукамъ изучать его съ другихъ сторонъ *).

Что же понимать подъ юридическою стороной государства?

Чтобъ отвѣтить на этотъ вопросъ, необходимо уяснить себѣ специфическую природу тѣхъ величинъ, изученіе которыхъ входитъ въ область отмежеванную юриспруденціи.

---

*) Ср. критическія статьи Gierke въ *Zeitschrift für das Privat- und Offentliche Recht* Grünhut'a 1879 г., т. VI, и въ *Jahrbuch für Gesetzgebung, Verwaltung und Volkswirtschaft im Deutschen Reich* 1883 г. о *Государственномъ правѣ Германской имперіи* Лабанда.

Величины, которыми орудуетъ юристъ, суть величины отвлеченныя; онѣ никакого реальнаго бытія не имѣютъ: ихъ нельзя ни видѣть, ни осязать, ни взвѣсить. Это — такія же отвлеченныя величины, какъ тѣ, которыми орудуетъ математикъ. Какъ нельзя осязать ни точки, ни круга, ни линіи, такъ нельзя осязать ни права собственности, ни всякаго другого юридическаго отношенія. Я могу показать свой домъ, могу любоваться имъ, но моего права собственности на него я осязать не могу. Я могу видѣть человѣка, но субъекта правъ я никогда не увижу. Я могу ходить по землѣ, которая перешла ко мнѣ по договору найма, но самаго договора найма я никогда не ощупаю, сколько бы я ни вертѣлъ въ своихъ рукахъ нотаріальный актъ.

Юридическія нормы и юридическія отношенія не имѣютъ никакого внѣшняго бытія и существуютъ исключительно во внутреннемъ сознаніи человѣка.

Всякое юридическое отношеніе имѣетъ, конечно, матеріальный субстратъ, но предметомъ изученія юриста является не этотъ матеріальный субстратъ, а самое юридическое отношеніе. Юристъ изучаетъ семью, напримѣръ, лишь со стороны той правовой связи, которая объединяетъ членовъ семьи. Юристу нѣтъ никакого дѣла до физіологическаго основанія семьи; онъ не задаетъ себѣ вопроса, въ чемъ нравственная цѣль семьи; онъ не изучаетъ хозяйственной жизни семьи: онъ имѣетъ въ виду только правовую форму семьи. И то же самое мы должны сказать и о государствѣ: и здѣсь мы различаемъ матеріальный субстратъ и юридическое отношеніе. *Матеріальнымъ субстратомъ государства являются территорія и люди, юридическимъ же отношеніемъ является та связь, которою государственная организація объединяетъ людей въ одно цѣлое и надѣляетъ какъ органовъ, такъ и членовъ государства правами и обязанностями. Только эта связь и является предметомъ изученія юриста.* Вопросы о нравственномъ основаніи государства, о конечныхъ цѣляхъ государства, объ историческомъ происхожденіи государства, вопросы о физіологическихъ, психологическихъ и экономическихъ связяхъ, объединяющихъ народъ,—все это вопросы, которые могутъ быть предметомъ науки о государствѣ въ широкомъ смыслѣ этого слова и которые изучаются спеціально особыми отраслями знанія: антропологіей, этнографіей, политическою экономіей, психологіей и этикой, но которые въ область, отмежеванную государственному праву, какъ наукѣ юридической, во всякомъ случаѣ, не входятъ.

Если такова задача догмы государственнаго права, то опредѣленіе государства, которое бы соотвѣтствовало этой задачѣ, должно ставить себѣ цѣлью — охарактеризовать государство не со стороны его матеріальнаго субстрата, а лишь со стороны той юридической связи, которая объединяетъ людей въ одно организованное цѣлое и надѣляетъ ихъ извѣстными правами и обязанностями.

Такое опредѣленіе удовлетворитъ юриста-догматика, но оно не можетъ и не должно удовлетворить ни философа, ни соціолога, ни историка. Оно не можетъ и не должно удовлетворить и историка права.

Историкъ права изучаетъ правовыя явленія въ ихъ постепенномъ развитіи на протяженіи многихъ вѣковъ. Ему нужно такое опредѣленіе, при помощи котораго онъ бы могъ, встрѣчаясь съ различными общественными союзами въ различныя эпохи и у различныхъ народовъ, отличить государство отъ другихъ сродныхъ ему явленій. Онъ долженъ дать такое опредѣленіе государства, подъ которое подошли бы и восточная теократія, и современное свѣтское государство, и государство—городъ античнаго міра, и государство—имперія новаго времени, и патримоніальное государство, основанное на началѣ личнаго господства, и правовое государство, основанное на началѣ общественнаго господства. Имѣя въ виду такую цѣль, онъ дастъ опредѣленіе, которое сознательно отвлечется отъ всѣхъ особенностей правоваго строя этихъ различныхъ государствъ,—другими словами, оно отвлечется отъ того, что составляетъ предметъ спеціальнаго изученія догмы права.

Въ самомъ дѣлѣ, задача догмы современнаго государственнаго права—не всестороннее изслѣдованіе государственныхъ типовъ прошедшихъ временъ и чужихъ культуръ; ея задача—изучить юридическій строй современнаго государства европейской культуры. *Догма государственнаго права нашихъ дней нуждается поэтому не въ такомъ опредѣленіи, которое охватило бы государства всѣхъ временъ и народовъ, а въ такомъ, которое могло бы послужить исходною точкой къ объясненію юридическаго строя современнаго правоваго государства.* Такое опредѣленіе, конечно, не удовлетворитъ историка, ибо подъ него не подойдетъ цѣлый рядъ государствъ, подлежащихъ его изученію, но оно не удовлетворитъ его точно такъ же, какъ не удовлетворитъ современнаго юриста опредѣленіе, данное историкомъ,—опредѣленіе, обнимающее широкій кругъ историческихъ явленій, но не дающее точки опоры для объясненія характерныхъ чертъ современнаго юридическаго строя.

И если присмотрѣться ближе къ опредѣленіямъ государства, выставляемымъ современными публицистами, то мы увидимъ, что всѣ они, хотя и заявляютъ притязаніе охватить государство, какъ всемірно-историческое явленіе, на самомъ дѣлѣ формулируютъ понятія, которыя имѣетъ въ виду только современное государство. Тѣ опредѣленія, которыя даютъ Шульце *), Герберъ **), Еллинекъ ***), Генель ****), а въ нашей литературѣ—Коркуно-

*) Der Staat ist die Vereinigung eines sesshaften Volkes zu einem organischen Gemeinwesen (Gesammtpersönlichkeit) unter einer höchsten Gewalt und einer bestimmten Verfassung zur Verwiklichung aller Gemeinzwecke des Volkslebens, vor allem zur Herstellung der Rechtsordnung. *Schultze*: „Preussisches Staatsrecht“ 1872. T. I, стр. 132.

**) Der Staat als Bewahrer und Offenbarer aller auf die sittliche Vollendung des Gemeinlebens gerichteten Volkskräfte ist die höchste rechtliche Persönlichkeit, welche die Rechtsordnung kennt. *Gerber*: „Grundzüge des deutschen Staatsrechts“. 2 Aufl. 1869 г., стр. 2.

***) Der Staat ist die von einem machtvollen Willen getragene herrschaftliche Organisation eines sesshaften Volkes. *Jellineck*: „Gesetz u. Verordnung“, 1887 г., стр. 190.

****) Der Staat ist der höchste korporative Verband einer Volksgemeinschaft. *Haenel*: „Deutsches Staatsrecht“. T. I, стр. 109.

новъ *), могутъ объяснить многое въ правовой жизни современнаго государства, но они безсильны служить отправною точкой для конструкціи такихъ государственныхъ типовъ, какъ, напримѣръ, феодальное государство, восточная деспотія, древняя теократія. Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, опредѣлить хотя бы патримоніальное государство, какъ «общественный союзъ, представляющій собою самостоятельное и признанное принудительное властвованіе надъ *свободными* людьми» (Коркуновъ), или древнюю теократію, какъ «объединеніе осѣдлаго народа въ органическое общежитіе съ опредѣленнымъ устройствомъ для осуществленія всѣхъ общественныхъ цѣлей народной жизни и, прежде всего, для установленія правоваго порядка» (Шульце).

Если же мы посмотримъ на эти опредѣленія, какъ на опредѣленія современнаго правоваго государства, то они выступятъ передъ нами въ совершенно другомъ освѣщеніи и получатъ иной смыслъ. Во всѣхъ этихъ опредѣленіяхъ слышится одно общее требованіе, которое ставится государству современнымъ правосознаніемъ,—требованіе, по которому государство должно быть господствомъ не людей, а законовъ,—то требованіе, которое, по нашему мнѣнію, прекрасно выражено въ слѣдующихъ патетическихъ словахъ Руссо: «Я желалъ бы жить и умереть свободнымъ, т.-е. до такой степени подчиненнымъ законамъ, чтобы ни я, ни кто другой не могъ сбросить этого почетнаго ига, этого благотворнаго и сладкаго ига, предъ которымъ и самыя благородныя головы склоняются тѣмъ охотнѣе, чѣмъ менѣе онѣ способны переносить какое бы то ни было другое иго» **).

Отмѣченное отношеніе приведенныхъ опредѣленій къ политической доктринѣ новаго времени мы не только не ставимъ имъ въ упрекъ, а, напротивъ, видимъ въ этомъ отношеніи ихъ несомнѣнное достоинство.

Юристъ не только долженъ овладѣть правовымъ матеріаломъ и умѣть пользоваться пріемами формальной логики: онъ долженъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и знать жизнь, ея требованія и запросы, черпать изъ жизни и творить для жизни. Работа юриста преслѣдуетъ глубоко-практическія цѣли, захватывающія самые жизненные интересы человѣка и человѣчества. Юридическіе институты не висятъ между небомъ и землей, а выросли на реальной почвѣ житейскихъ отношеній; они не развились безсознательно и самобытно подобно тому, какъ выростаетъ лѣсъ и складывается организмъ человѣка, т.-е. по неизмѣннымъ законамъ природы, — юридическіе институты созданы сознательною дѣятельностью людей, хотя и созданы ими ради удовлетворенія потребностей, вложенныхъ въ нихъ природой. Созданные людьми и для людей, они и должны служить интересамъ людей и имѣютъ право на существованіе лишь постольку, поскольку они служатъ этимъ интересамъ.

---

*) *Русское государственное право*, т. I, стр. 4.

**) Discours sur l'origine et les fondements de l'inégalité parmi les hommes. Dédicace.

*Юристъ, игнорирующій тѣ практическія требованія, удовлетворенія которыхъ современный человѣкъ ждетъ отъ государства, напишетъ, пожалуй, ученую книгу, но не создастъ плодотворнаго труда.*

Зейдель, выдающійся ученый и тонкій юристъ, написалъ книгу *), которая стоитъ въ прямомъ противорѣчіи съ правосознаніемъ современнаго человѣка. По его ученію, субъектъ государственной власти—личная воля конкретныхъ правителей, объектъ—территорія съ живущими на ней людьми. Эта доктрина, которая видитъ въ гражданахъ только объектъ воли властителя, совершенно безсильна объяснить цѣлый рядъ явленій въ правовой жизни современнаго государства и она не могла поэтому оказать вліянія на движеніе нашей науки. Не удивительно, что она встрѣтила единодушный отпоръ въ нѣмецкой литературѣ, не создала школы и, конечно, ея никогда не создастъ **). Другимъ примѣромъ безплодности работъ по государственному праву писателей, которые ставятъ себя въ прямое противорѣчіе съ политическими принципами нашего времени, могутъ служить книги Гумпловича—этого яраго отрицателя правоваго государства. Несмотря на его несомнѣнный литературный талантъ и на оригинальность его ума, ученіе его осталось безъ всякаго отклика и вызвало только отрицательное къ себѣ отношеніе ***). Въ семьѣ современныхъ публицистовъ Гумпловичъ является какимъ-то отверженнымъ, какимъ-то паріей, отъ котораго всѣ открещиваются, и онъ сознаетъ свое одиночество и прямо заявляетъ о немъ въ предисловіи своей книги *Rechtstaat und Socialismus*, говоря, что ничего, кромѣ отрицанія, не ждетъ въ отвѣтъ на свой трудъ ****).

Нельзя, такимъ образомъ, безнаказанно игнорировать практическіе запросы жизни и становиться въ оппозицію къ тѣмъ требованіямъ, которыя современный человѣкъ предъявляетъ государству. Можно ожидать плодотворныхъ работъ въ области государственнаго права лишь отъ тѣхъ юри-

---

*) *Grundzüge einer allgemeinen Staatslehre*, 1873.

**) *Otto Gierke*: „Die Grundbegriffe des Staatsrechts und die neuesten Staatsrechtstheorien“ въ *Zeitschrift fur die gesammte Staatswissenschaft* 1874 г., стр. 172—184.

***) Das gerade für das örffentliche Recht eine derartige Unterminirung des Rechtsidee gefährlicher ist, als die unverhüllte Leugnung seiner Rechtsnatur, ist freilich gewiss. Allein inmerhin ist es bezeichnend, dass zunächst schlechthin keine Ansicht auf Erfolg für eine Richtung besteht, welche das Staatsrecht offen für *kein* Recht erklärt. Es müsste wunderbar zugehen, wenn in der vielköpfigen deutschen Gelehrtenrepublik nicht auch für dieses einfache und schöne Programm ein Kämpfer erstanden wäre. Doch hat der muthige Schriftsteller (Gumplowicz) der seit einer Reihe von Jahren seine Kräfte im Dienste der in erhabener Nacktheit thronenden Göttin der Gewalt vergeudet, die erhoffte Heerfolgebisher nicht gefunden. Gierke: въ *Jahrbuch für Gesetzgebung, Verwaltung und Volkswirtschaft im Deutschen Reich.* 1883 г., стр. 1,101.

****) Ich bin es mir leider nur zu sehr bewusst, dass jeder Satz meines Buches an den bisherigen, als fest und unershütterlich geltenden Grundlagen des Staatsrechts rührt und rüttelt, ich bin es mir bewusst, dass jede These, die ich da ausspreche. mir allerseits nur Gegner schaffen und das mir als Echo meiner Worte von ueberall nur Unwille und Wiederspruch entgegenhallen wird. *Rechtstaat und Socialismus*, 1881. Vorwort, стр. 3.

стовъ, которые станутъ на почву современнаго правоваго государства и съумѣютъ чутко отнестись къ интересамъ современной культуры.

Сводя итогъ предшествующему изложенію, мы можемъ формулировать свои воззрѣнія на тѣ требованія, которымъ должно удовлетворять опредѣленіе государства, выставляемое юристомъ-догматикомъ, слѣдующимъ образомъ:

*1) Это опредѣленіе должно быть юридическимъ, т.-е. охватывать многосложныя явленія государства не со всѣхъ сторонъ, съ которыхъ можно изучать государство, а только со стороны юридической. Эта же юридическая сторона—не матеріальный субстратъ государства, а та связь, которая объединяетъ людей въ одно организованное цѣлое.*

*2) Это опредѣленіе должно имѣть въ виду только тѣ государства, которыя по характеру объединяющихъ людей въ государство юридическихъ связей представляютъ собой однородныя явленія,—другими словами, не государство всѣхъ временъ и народовъ, а государство данной культурной эпохи.*

## ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

### Главныя направленія въ современной литературѣ государственнаго права.

И такъ, наша задача—дать юридическое опредѣленіе современнаго государства европейской культуры.

Что матеріальнымъ субстратомъ современнаго государства являются территорія и люди, въ этомъ, конечно, никто не сомнѣвается; современные писатели расходятся только въ объясненіи той юридической связи, которая объединяетъ людей въ государство. И съ этой точки зрѣнія ихъ можно раздѣлить на двѣ группы:

1) Одни объясняютъ эту связь личнымъ господствомъ, подчиненіемъ людей людямъ.

2) Другіе объясняютъ эту связь общественнымъ господствомъ, подчиненіемъ людей господству государства, какъ цѣлаго.

Если всмотрѣться ближе въ то разногласіе, которое разъединяетъ эти два направленія, то окажется, что оно сводится къ разрѣшенію одного коренного вопроса, который можно формулировать такъ:

*Представляетъ ли государство воле-и дѣеспособное цѣлое, стоящее надъ людьми, или же это цѣлое только фикція, а въ дѣйствительности государство ничто иное, какъ сумма физическихъ лицъ, сдерживаемыхъ въ единство волею властителя?*

## Отдѣлъ I.

### Реалистическое направленіе.

### I.

### Реализмъ Зейделя и эмпиризмъ Лингга.

То направленіе, которое называетъ себя реалистическимъ, отрицаетъ существованіе государства, какъ цѣлаго.

Представителемъ этого направленія является Зейдель. Для него не существуетъ другого правоваго единства, кромѣ человѣка. Только человѣкъ можетъ дѣйствовать, только человѣкъ можетъ хотѣть, государство не можетъ имѣть воли, не можетъ быть поэтому ни субъектомъ правъ, ни субъектомъ государственной власти. Государство есть совокупность людей, живущихъ на опредѣленной территоріи и подчиненныхъ власти одной господствующей воли. Эта воля—субъектъ власти, территорія и люди—объектъ этой воли. Воля властителя стоитъ надъ государствомъ и подчиненіе этой воли людей и территоріи только и придаетъ имъ государственный характеръ. Территорію и людей называютъ государствомъ тогда, когда они подвластны, точно также какъ и вещь называютъ собственностью только тогда, когда она имѣетъ господина. Господствующею надъ людьми и территоріей волей можетъ быть только человѣческая воля, ибо на землѣ только человѣкъ одаренъ разумною волей. Абстракція-государство не можетъ хотѣть, конкретное государство можетъ быть только подвластно. Оно не можетъ имѣть воли, оно можетъ быть только объектомъ воли. Въ государствѣ должны, слѣдовательно, существовать люди, которымъ была бы присуща власть своею волей господствовать надъ остальными. Верховная властвующая воля, является ли она волею одного, нѣсколькихъ или многихъ, всегда есть воля надъ государствомъ, а никогда не является волею государства. Воля государства—пустая фикція *).

Послѣдователемъ Зейделя является Лингъ. Онъ нѣсколько видоизмѣняетъ доктрину своего учителя тѣмъ, что ставитъ господствующую волю не надъ государствомъ, а въ государство; но эта воля, также какъ у Зейделя, не воля государства, а воля государя. Интересъ, который представляютъ *Эмпирическія изслѣдованія* Лингга, заключается поэтому не въ оригинальности его ученія, а только въ томъ, что онъ подробнѣе обосновываетъ индивидуалистическій взглядъ Зейделя на государство и съ точки зрѣнія этого взгляда даетъ не лишенную остроумія критику новѣйшихъ ученій о государствѣ.

Лингъ рѣзко подчеркиваетъ тотъ взглядъ Зейделя, по которому государство—ничто иное, какъ сумма индивидовъ, а государственная власть не воля государства, а физическая воля конкретнаго правителя. Государство, по его опредѣленію, это тотъ фактъ, въ силу котораго множество людей осѣдлыхъ подчинены одной господствующей волѣ **). Это множество своимъ подчиненіемъ одной волѣ не возвышается на степень новаго существа, новой реальности. Реальны только индивиды, которые представляются намъ единствомъ лишь съ точки зрѣнія ихъ подчиненія одной властвующей волѣ. Войско, надъ которымъ господствуетъ полководецъ, не есть новое существо, возвышающееся надъ отдѣльными солдатами, а только множество людей, подчиненныхъ господству одной воли, воли полководца. Воля, которая от-

*) *Grundzuge einer allgemeinen Staatslehre*, 1893 г., стр. 1—9.

**) *Lingg*: „Empirische Untersuchungen zur allgemeinen Staatslehre“, 1890 г., стр. 6.

дѣлилась бы отъ физическихъ лицъ и сгустилась бы въ самостоятельное единство,—это такое представленіе, которое на почвѣ опыта сложиться во всякомъ случаѣ не могло *). Государство ничто иное, какъ сумма отдѣльныхъ индивидовъ. Между тѣмъ, этой суммѣ хотятъ во что бы то ни стало приписать свойство, которымъ не обладаетъ ни одинъ изъ слагаемыхъ. Всѣ согласны въ томъ, что отдѣльный подданный не властвуетъ, какъ же можетъ властвовать сумма подданныхъ? Невозможно суммѣ А, В до Х приписывать способность, которую не имѣетъ ни А, ни В, ни вообще Х **). Связывая Х палочекъ никогда не получишь (Х+I) палочекъ ***).

Дальше, кажется, въ реалистическомъ направленіи идти некуда. Чтобы какъ можно реальнѣе изобразить существующія въ государствѣ отношенія между людьми, ихъ сравниваютъ съ палочками и увѣряютъ, что, кромѣ суммы палочекъ, въ государствѣ ничего не существуетъ. Если уже быть послѣдовательнымъ, то слѣдовало бы продолжать это сравненіе въ реалистическомъ духѣ, и, иллюстрируя эмпирически отношенія властованія въ государствѣ, сказать, что государство есть сумма палочекъ, государственная власть палочка, ударяющая по другимъ палочкамъ, а подданные тѣ палочки, по которымъ ударяютъ.

Это направленіе называетъ себя реалистическимъ; мы же вмѣстѣ съ Еллинекомъ назовемъ его нигилистическимъ и думаемъ, что другого названія не заслуживаетъ доктрина, которая сводитъ весь юридическій строй къ суммѣ отдѣльныхъ лицъ, связанныхъ подчиненіемъ одной личной волѣ правителя и которая раздѣляетъ весь родъ человѣческій на двѣ половины, изъ которыхъ одна только молотъ, а другая только наковальня. Не инымъ, какъ названіемъ нигилизма, слѣдуетъ заклеймить направленіе, которое отрицаетъ политическіе принципы и политическіе идеалы современнаго человѣка только потому, что эти принципы и эти идеалы нельзя ни взвѣсить, ни ощупать.

Если признавать реальнымъ только то, что можно взвѣсить и видѣть, то придется не только отрицать государство, какъ цѣлое, и государственную власть, какъ волю этого цѣлаго, но придется отрицать и всю область правовыхъ явленій, ибо, какъ мы показали выше, всѣ юридическія величины суть величины отвлеченныя, которыя существуютъ только въ нашемъ сознаніи ****).

---

*) Тамъ же, стр. 6, 7.

**) Тамъ же, стр. 107.

***) Тамъ же, стр. 82.

****) Къ какимъ нелѣпымъ выводамъ приводитъ реализмъ Зейделя и К°, можетъ иллюстрировать любой примѣръ. Собственникъ платитъ государству повинность за свою землю. Съ реалистической точки зрѣнія, это утвержденіе—пустая фикція: собственникъ ничего не платитъ, а платитъ г. Ивановъ, и платитъ онъ не повинность, а 13 р. 15 к., и платитъ онъ ихъ не государству, а чиновнику Петрову: реальны только отдѣльные индивиды — Ивановъ, Петровъ и т. д., реальны только рубли и копѣйки, собственникъ же, государство, повинность—это абстракціи, которыя нельзя ни видѣть, ни осязать, и которыя поэтому, съ точки зрѣнія реализма въ юриспруденціи, бытія реальнаго не имѣютъ.

Государство не представляетъ собою, конечно, единства въ томъ смыслѣ, въ какомъ единствомъ является данный человѣкъ, данная лошадь, данная букашка, данное дерево. Государство не есть физическая личность въ большихъ размѣрахъ, не есть организмъ, который можно осязать и взвѣсить. Государство есть единство юридическое, которое, какъ и все юридическое, нельзя ни видѣть, ни осязать. *Государство является единствомъ въ силу той искусственной юридической организаціи, которая дана ему людьми. Эта организація возводитъ государство на степень юридическаго единства въ томъ смыслѣ, что дѣлаетъ государство воле- и дѣеспособнымъ цѣлымъ: она создаетъ органы, естественная воля и естественная дѣятельность которыхъ, выраженная въ юридическихъ формахъ и осуществленная въ юридическихъ границахъ, признается юридическою волей и юридическими дѣйствіями государства, какъ цѣлаго.* Эта организація установляетъ далѣе извѣстную іерархію между этими органами, которая имѣетъ цѣлью поставить ихъ въ опредѣленное соотношеніе другъ къ другу, согласовать ихъ дѣятельность, предупреждать и улаживать могущіе возникнуть между ними споры и пререканія. И всѣ эти юридическія нормы проникнуты одною тенденціей — возвести дѣятельность отдѣльныхъ органовъ, которые суть ничто иное, какъ физическія лица, на степень безстрастной и безличной дѣятельности государства, какъ цѣлаго. Существуетъ въ этой организаціи и цѣлый рядъ другихъ юридическихъ нормъ, которыя заставляютъ насъ видѣть въ государствѣ воле- и дѣеспособное цѣлое, остающееся то же, несмотря на смѣну людей и поколѣній. Порядокъ престолонаслѣдія по закону, институтъ регентства на случай малолѣтства государя, порядокъ замѣщенія должностей, строгое разграниченіе публичныхъ правъ органа отъ сферы его индивидуальныхъ правъ,—всѣ эти нормы и учрежденія имѣютъ цѣлью обезпечить непрерывность и единство государственной дѣятельности, на протяженіи не только всей территоріи, но и всего времени, отмежеваннаго жизни даннаго государства.

Съ точки зрѣнія реалистическаго направленія, всѣ эти учрежденія и нормы не имѣютъ никакого оправданія и никакого смысла. Чтобъ оставаться послѣдовательными, писатели этой школы должны утверждать, что со смѣною правителей происходитъ и смѣна государствъ, что, напримѣръ, Франція до преступленія Казеріо была одно государство, а послѣ убійства Карно стала другимъ государствомъ. Такъ и разсуждаетъ Линггъ, который цѣлую страницу своихъ *Эмпирическихъ изслѣдованій* посвящаетъ доказательству того, что Англія 1889 года одно государство, а Англія 1739 г. другое государство *).

Трудно подъискать болѣе рельефный примѣръ тому, къ какимъ нелѣпымъ выводамъ приводитъ доктрина, которая не умѣетъ разглядѣть въ государствѣ цѣлаго и единство государства объявляетъ пустою фикціей.

Государственное единство не есть фикція. Подъ фикціей мы понимаемъ

*) *Empirische Untersuchungen*, стр. 116.

искусственный пріемъ юридической техники, который имѣетъ своею задачей—правила, выработанныя въ примѣненіи къ отношеніямъ извѣстнаго рода, примѣнять къ отношеніямъ другого рода. Имѣя въ виду эту цѣль, фикція фингируетъ первыя отношенія однородными со вторыми,—другими словами, фикція, ради упрощенія юридической конструкціи, придумываетъ факты и эти вымышленные факты приравниваетъ къ дѣйствительно существующимъ. Утверждая, что государство есть юридическое единство, мы ни къ какому вымыслу не прибѣгаемъ, а выставляемъ только абстрактное понятіе, которое соотвѣтствуетъ вполнѣ конкретнымъ отношеніямъ. Опредѣляя государство юридическимъ единствомъ, мы этимъ констатируемъ тотъ несомнѣнный фактъ, что государство есть союзъ, организованный въ искусственное юридическое цѣлое, имѣющее юридическую волю, отличную отъ суммы естественныхъ воль наличныхъ членовъ государства.

Юридическая фикція не можетъ объяснить тѣхъ отношеній, которыя при ея помощи конструируются; не можетъ объяснить ихъ потому, что эти отношенія замѣняетъ другими вымышленными. Опредѣляя же государство юридическимъ единствомъ, столь отличнымъ отъ конкретныхъ, осязательныхъ единствъ, мы именно *объясняемъ* существующія въ государствѣ отношенія,—всѣ тѣ отношенія, которыя заставляютъ насъ видѣть въ подчиненіи гражданъ государственной власти не подчиненіе лица лицу, а подчиненіе члена союза союзу, въ дѣятельности государственныхъ органовъ—не дѣятельность тѣхъ или другихъ физическихъ лицъ, а дѣятельность государства, въ законѣ—не распоряженіе опять же того или другого лица, а велѣніе государства.

Та юридическая конструкція, которую даетъ государству реалистическое направленіе, вполнѣ примѣнима къ патримоніальному государству, но именно потому совершенно непримѣнима къ современному государству *).

Патримоніальное государство было основано на началѣ неравенства: это былъ союзъ сильныхъ со слабыми; первые господствовали надъ вторыми въ своихъ интересахъ, вторые искали покровительства у первыхъ

*) Юридическая структура государства не есть нѣчто неизмѣнное, разъ навсегда вылившееся въ извѣстныя формы и застывшее въ этихъ формахъ. Юридическая структура есть дѣло рукъ человѣческихъ, есть результатъ дѣятельности людей, которые въ этой своей дѣятельности сообразуются съ фактическими отношеніями и руководятся своими воззрѣніями на цѣли государственнаго общежитія и на тѣ интересы, которымъ это общежитіе должно удовлетворять. И съ измѣненіемъ этихъ отношеній и этихъ воззрѣній измѣняется и юридическая структура государства. Единомышленники Фридриха II, который называлъ себя первымъ слугою государства, дадутъ этому государству юридическую конструкцію, отличную отъ той, которую построятъ поклонники политическаго идеала Людовика XIV, сказавшаго, что государство, это—я. Нашъ государственный строй получитъ различное объясненіе, смотря потому, въ какую эпоху и съ какихъ точекъ зрѣнія мы будемъ его изучать,—въ эпоху ли Петра и съ точки зрѣнія доктрины Правды воли монаршей, или въ эпоху Екатерины и съ точки зрѣнія началъ Великаго Наказа, или въ эпоху Александра и съ токчи зрѣнія принциповъ, лежащихъ въ основѣ освободительныхъ реформъ предпрошлаго царствованія.

опять же въ своихъ интересахъ; не сознаніе общественныхъ цѣлей объединяло людей въ государство, а только соотвѣтствіе различныхъ интересовъ, совпаденіе интересовъ сильныхъ съ интересами слабыхъ. Конструируя такія отношенія властвованія, можно, вмѣстѣ съ представителями реалистическаго направленія, утверждать, что субъектъ государственной власти — личная воля правителей, а объектъ этой власти—территорія вмѣстѣ съ живущими на ней людьми. Утверждать же это по отношенію къ современному государству — значитъ закрывать глаза на самые безспорные принципы современнаго государственнаго строя. Современное государство основано не на союзѣ сильныхъ со слабыми, а на равенствѣ всѣхъ гражданъ; оно покоится не на совпаденіи личныхъ интересовъ слабыхъ съ личными интересами сильныхъ, а на общественномъ интересѣ; оно является не союзомъ личнаго господства, а союзомъ общественнаго господства.

## II.

## Субъективный реализмъ г. Коркунова.

Ученіе Зейделя нашло себѣ откликъ и въ нашей литературѣ. Г. Коркуновъ характеризуетъ свое ученіе также реализмомъ; онъ, какъ и Зейдель, утверждаетъ, что имѣть волю можетъ только отдѣльный человѣкъ, что государство, какъ цѣлое, волею не обладаетъ, что оно поэтому и не можетъ быть субъектомъ государственной власти; этимъ субъектомъ являются у него, какъ и у Зейделя, физическія лица. Но Зейдель, различая государственныя формы, учитъ, что въ одномъ государствѣ субъектомъ верховной власти является одно лицо, въ другомъ—нѣсколько, въ третьемъ—многіе; г. же Коркуновъ этого различія не признаетъ: по его воззрѣнію, субъектомъ власти во всѣхъ государствахъ является все населеніе *). Въ своей послѣдней книжкѣ *Указъ и законъ* почтенный профессоръ подробно излагаетъ свое воззрѣніе на государственную власть съ точки зрѣнія «субъективнаго реализма» и въ слѣдующихъ выраженіяхъ характеризуетъ эту точку зрѣнія: «Выставляемое *мною* объясненіе явленій государственнаго властвованія не приводитъ къ наивному объективному реализму, отождествляющему государственную власть съ личною волей отдѣльныхъ конкретныхъ правителей государства и совершенно игнорирующему дѣйствительное психическое основаніе подчиненія гражданъ государственному властвованію. А съ другой стороны, *мое* объясненіе не приводитъ къ объективному идеализму, къ олицетворенію явленій субъективнаго сознанія. *Моя* точка зрѣнія можетъ быть охарактеризована какъ точка зрѣнія субъективнаго реализма. Подчиняясь государственному властвованію, мы подчиняемся въ рядѣ конкретныхъ случаевъ тѣмъ людямъ, изъ которыхъ слагается государство, но причина нашего имъ подчиненія—не личная ихъ воля и не какая-либо надъ людьми властвующая метафизическая воля, а наше собственное субъективное, но вполнѣ реальное сознаніе зависимости отъ государства» **).

*) *Русское государственное право*, стр. 15.

**) *Указъ и законъ*, стр. 193.

Всмотримся же ближе въ эту точку зрѣнія «субъективнаго реализма».

«Такъ какъ производящія причины всякаго вообще дѣйствія, — говоритъ г. Коркуновъ, — мы представляемъ себѣ какъ силы, то и причину, производящую воздѣйствіе государства на составляющихъ его людей, мы мыслимъ какъ особую силу, обозначая ее государственною властью» *). «Власть — это только условное выраженіе для обозначенія причины, производящей воздѣйствіе государства» **).

Это положеніе даетъ ключъ къ объясненію разногласія, существующаго между г. Коркуновымъ и тѣми писателями, съ которыми онъ полемизируетъ. Почтенный профессоръ понимаетъ подъ государственною властью причину воздѣйствія государства на людей, критикуемые же имъ писатели, вмѣстѣ со всѣми юристами, какъ теоретиками, такъ и практиками, подъ государственною властью понимаютъ не причину воздѣйствія государства, а самое воздѣйствіе, и, притомъ, не всякое воздѣйствіе, а только юридическое; они понимаютъ подъ государственною властью ту организованную и активную государственную силу, которая издаетъ законы, правитъ и судитъ. Если эти юристы хотятъ, опредѣляя государственную власть, опредѣлить юридическую природу этой законодательствующей, правящей и судящей силы, то г. Коркуновъ, опредѣляя государственную власть, ставитъ себѣ цѣлью объяснить намъ причину «всякаго воздѣйствія государства», онъ ищетъ такую причину, которою, по его словамъ, объяснялось бы «все разнообразіе явленій властвованія безо всякихъ исключеній». При такомъ безусловно различномъ пониманіи государственной власти, между этими двумя сторонами взаимнаго пониманія и соглашенія, конечно, быть не можетъ. А такъ какъ и мы вовсе не беремся объяснить причину «всего разнообразія властвованія безо всякихъ исключеній», а вмѣстѣ съ современными юристами, трактующими о государственной власти, хотимъ лишь выяснить себѣ юридическую природу государственной власти, то мы могли бы сказаннымъ ограничить свои замѣчанія на «доктрину субъективнаго реализма». Но мы этого не сдѣлаемъ въ надеждѣ найти въ дальнѣйшихъ разсужденіяхъ почтеннаго профессора точки зрѣнія, могущія пролить свѣтъ и на юридическую природу государственной власти.

«Въ необходимости отвергнуть воззрѣніе на государственную власть, какъ на волю, тѣмъ менѣе можетъ быть сомнѣнія, — говоритъ г. Коркуновъ,—что вообще, а не только въ примѣненіи къ государственному властвованію невозможно отождествлять понятіе власти и воли. Прежде всего, воля не есть еще сама по себѣ власть. Не всякая воля властвуетъ. Воля бываетъ и безсильна, и безвластна. Власть привходитъ къ волѣ извнѣ (?) и придается ей чѣмъ-то другимъ (?!), лежащимъ внѣ воли, въ самой волѣ не заключающимся. Воля стремится къ власти, пріобрѣтаетъ власть, те-

*) Тамъ же, стр. 177.
**) Тамъ же, стр. 178.

ряетъ ее. Поэтому власть не тождественна съ волей, а есть нѣчто внѣшнее для нея, служащее ей объектомъ» *).

«Воля бываетъ и безсильна, и безвластна». Такое выраженіе дѣйствительно употребляется, но это выраженіе не точно, какъ не точно говорить о безсильномъ умѣ. Воля, умъ суть силы, которыя не могутъ быть поэтому безсильными. Эти силы могутъ имѣть различныя степени: можетъ быть твердая воля и слабая воля, острый умъ и тупой умъ. Но какою бы степенью интензивности эти силы ни обладали, онѣ все же остаются силами. Пока у человѣка остались хотя бы слабые проблески воли, ума, до тѣхъ поръ продолжаютъ говорить объ этихъ его способностяхъ, какъ о силахъ. Сила не привходитъ поэтому къ волѣ, къ уму извнѣ, «не придается ей чѣмъ-то другимъ, лежащимъ внѣ воли», внѣ ума. Воля, какъ умъ, тождественна съ силой, а не есть нѣчно внѣшнее для нея.

«Съ другой стороны,—продолжаетъ г. Коркуновъ,— и властвованіе не предполагаетъ непремѣнно наличности воли. Если взять самый простой примѣръ властвованія одного человѣка надъ другимъ, оно возможно помимо и даже противъ воли властвующаго. Человѣкъ, властвующій надъ другими обаяніемъ святости, геніальнаго ума, художественнаго таланта, чарующей красоты, властвуетъ часто надъ ними, не думая о томъ, иногда даже самъ того не желая. Отъ поклоненія подчиняющагося такому обаянію не отдѣлаться и тогда, когда оно докучаетъ, когда оно непріятно. Аскетъ, совершающій свой подвигъ умерщвленія плоти, не ищетъ, конечно, власти надъ людьми. Онъ стремится, напротивъ, отрѣшиться ото всѣхъ мірскихъ стремленій и помысловъ и, однако, очень часто получаетъ, именно въ силу этого, великую власть надъ вѣрующими. Такимъ образомъ, понятіе власти ни въ какомъ отношеніи не совпадаетъ съ понятіемъ властвующей воли. Бываетъ, что властвуетъ надъ человѣкомъ и воля, но далеко не всякое властвованіе предполагаетъ направленную на то волю властвующаго. Этимъ только и объясняется возможность властвованія надъ людьми воображаемыхъ божествъ, не существующихъ вовсе въ дѣйствительности и не имѣющихъ поэтому самому никакой дѣйствительной воли. А, между тѣмъ, для фанатика ложной религіи власть надъ нимъ его ложнаго бога не дѣлается отъ того нисколько менѣе сильной или безусловной. И даже нѣтъ необходимости, чтобъ это властвующее надъ вѣрующими въ него ложное божество представлялось въ ихъ воображеніи надѣленнымъ аттрибутомъ воли. Богъ неоплатониковъ или буддистовъ представляется вовсе чуждымъ желаній, онъ не имѣетъ воли и, однако, все-таки, властвуетъ надъ поклоняющимися ему. Точно такъ же властвуютъ надъ людьми представленія о многомъ такомъ, что вовсе и не можетъ быть причастнымъ какой-либо волѣ. Кому не приходилось встрѣчать мнительныхъ людей, всецѣло находящихся подъ властью одолѣвающаго ихъ страха болѣзни? Кто не знаетъ маніаковъ, всю жизнь свою и всѣ силы отдающихъ на служе-

*) Тамъ же, стр. 178.

ніе одной какой-нибудь задачѣ, практической или теоретической, подчиняющей всю ихъ дѣятельность и, слѣдовательно, властвующей надъ ними? И такую власть надъ человѣкомъ получаютъ иногда совершенно отвлеченныя идеи. Все это заставляетъ насъ признать, что властвованіе не предполагаетъ непремѣнно властвующую волю. *Властвованіе предполагаетъ сознаніе не съ активной стороны, не со стороны властвующаго, а съ пассивной стороны, со стороны подвластнаго.* Все, отъ чего человѣкъ сознаетъ себя зависимымъ, властвующимъ надъ нимъ, все равно, имѣетъ ли и даже можетъ ли оно имѣть волю, направленную на такое властвованіе. Для факта властвованія нѣтъ надобности, чтобъ это сознаніе зависимости было реально, согласно съ дѣйствительностью. Не требуется даже, чтобы существовало то, идея о чемъ властвуетъ надъ людьми. Для властвованія требуется только самое сознаніе зависимости, а не реальность ея... Если такъ, *власть есть сила, обусловленная не волею властвующаго, а сознаніемъ зависимости подвластнаго.* При такомъ пониманіи власти нѣтъ надобности для объясненія государственнаго властвованія олицетворять государство, надѣлять его во что бы то ни стало волей: если власть есть сила, обусловленная сознаніемъ зависимости подвластнаго, государство можетъ властвовать, не обладая ни волею, ни сознаніемъ, только бы составляющіе его люди сознавали себя зависимыми отъ государства. *Государственная власть не чья-либо воля, а сила, вытекающая изъ сознанія гражданами ихъ зависимости отъ государства»* *).

Мы находимъ эти разсужденія очень убѣдительными, насколько они имѣютъ цѣлью доказать, что властвованіе не предполагаетъ непремѣнно воли. Въ самомъ дѣлѣ, кто не согласится съ г. Коркуновымъ, что властвуетъ и чарующая красота, и геніальный умъ, и художественный талантъ, и ложные боги, и отвлеченныя идеи, и кто, вмѣстѣ съ тѣмъ, не согласится, что и чарующая красота, и художественный талантъ, и ложные боги, и отвлеченныя идеи воли не имѣютъ? Если мы что-нибудь имѣемъ возразить противъ выписанныхъ нами страницъ изъ изслѣдованія г. Коркунова, то только то, что на нихъ сгруппировано слишкомъ мало примѣровъ и что эти примѣры недостаточно ярки. Мы можемъ дополнить изложеніе почтеннаго автора цѣлымъ рядомъ другихъ примѣровъ, еще болѣе рельефныхъ и убѣдительныхъ. Мы можемъ сказать, напримѣръ, что карты властвуютъ надъ картежникомъ, что вино властвуетъ надъ пьяницей, что властвуетъ мода, властвуетъ судьба, властвуетъ море, властвуетъ буря, а, вѣдь, несомнѣнно, что ни карты, ни вино, ни мода, ни судьба, ни море, ни буря воли не имѣютъ. Г. Коркуновъ поэтому тысячу разъ правъ, утверждая, что властвованіе не предполагаетъ непремѣнно властвующей воли.

Но бѣда только въ томъ, что, понимая власть въ томъ широкомъ смыслѣ, въ какомъ ее понимаетъ г. Коркуновъ, въ смыслѣ и власти государства, и власти ложныхъ боговъ, и власти красоты, и власти отвлеченныхъ идей,

---

*) Тамъ же, стр. 179—182: *Лекціи по общей теоріи права.* 1894 г., стр. 245—246.

можно доказать и многое другое, съ чѣмъ врядъ ли согласится нашъ почтенный авторъ: можно, напримѣръ, доказать, что властвованіе не только не предполагаетъ сознанія съ активной стороны, со стороны властвующаго, но и не предполагаетъ этого сознанія и съ пассивной стороны, со стороны подвластнаго. Въ самомъ дѣлѣ, ребенокъ не сознаетъ своей зависимости отъ родительской власти, умалишенный не сознаетъ своего подчиненія предержащимъ властямъ, животное не сознаетъ своей зависимости отъ законовъ властвующей надъ нимъ природы, какъ и не сознаетъ этой зависимости и всякій неразвитой человѣкъ, не привыкшій ни мыслить, ни наблюдать.

Съ такимъ же основаніемъ поэтому, съ какимъ г. Коркуновъ утверждаетъ, что властвованіе не предполагаетъ воли со стороны властвующаго, съ такимъ же точно основаніемъ мы можемъ утверждать, что властвованіе не предполагаетъ воли и со стороны подвластнаго. А если такъ, то мы должны будемъ примириться съ неожиданнымъ для почтеннаго автора выводомъ, что власть есть сила, которая не обусловливается ни волею властвующаго, ни сознаніемъ зависимости подвластныхъ, что это, другими словами, какая-то стихійная сила, которая безсознательно властвуетъ надъ безсознательнымъ, и что она ничѣмъ не отличается отъ тѣхъ естественныхъ силъ, которыя дѣйствуютъ въ мірѣ физическихъ явленій.

Ошибка въ умозаключеніяхъ г. Коркунова очевидна: желая опредѣлить причину воздѣйствія государственной власти, онъ исходитъ изъ понятія власти вообще, которое обнимаетъ самыя разнородныя явленія какъ физическаго, такъ и психическаго міра. Почтенный авторъ какъ будто и не подозрѣваетъ, что между государственнымъ властвованіемъ и властвованіемъ отвлеченныхъ идей существуетъ нѣкоторая разница и что нельзя объяснить государственной власти, сравнивая ее съ властью чарующей красоты. Эти явленія столь же разнородны, какъ законы природы и законы человѣческіе, а, между тѣмъ, г. Коркуновъ, говоря о доктринѣ, которая построена на сопоставленіи этихъ разнородныхъ явленій, замѣчаетъ, не безъ суровости, что она «грѣшитъ грубымъ смѣшеніемъ существенно различныхъ понятій» *). Не грѣшитъ ли такимъ же «грубымъ смѣшеніемъ существенно различныхъ понятій» и доктрина субъективнаго реализма почтеннаго автора?

Приведенныя нами разсужденія г. Коркунова о государственной власти, какъ о силѣ, которая не предполагаетъ воли со стороны властвующаго, довольно трудно согласовать съ нѣкоторыми другими его размышленіями, посвященными той же государственной власти.

«Сила не каждаго общественнаго союза,—замѣчаетъ совершенно справедливо почтенный профессоръ,—получаетъ опредѣленное внѣшнее выраженіе, а только сила тѣхъ, которые имѣютъ *опредѣленную организацію*. Только сила такихъ союзовъ, проявляющаяся какъ власть ихъ надъ сво-

*) *Лекціи по общей теоріи права.* 1894 г., стр. 51.

ими членами, и можетъ быть объектомъ правъ. Наиболѣе важными союзами такого рода являются государство, церковь и семья» *).

Это совершенно вѣрное положеніе г. Коркуновъ развиваетъ подробнѣе въ другомъ мѣстѣ:

«Власть общественная,—разсуждаетъ онъ,—существуетъ вездѣ, гдѣ существуетъ общество. Такъ говорятъ о власти семьи надъ своими членами, о власти церкви, общинъ и т. п. Но государственная власть представляетъ существенныя особенности сравнительно съ другими видами общественной власти. Отличительная особенность государственной власти заключается въ независимости и *единой ея организаціи*. Мы можемъ поэтому опредѣлить государственную власть, какъ независимо и *принудительно организованную и объединенную общественную силу*» (подобнымъ образомъ опредѣляетъ государственную власть *Waitz*: «Politik», стр. 16: «Die Staatsgewalt ist die Einheit der im Staate vorhandenen Kräfte». Первый признакъ, заключающійся въ этомъ опредѣленіи, это—организація. Этимъ признакомъ государственная власть отличается отъ силы, напримѣръ, международнаго союза, общественныхъ группъ. Та сила, какую проявляетъ не имѣющая политическаго единства и политической организаціи народность есть сила неорганизованная, выражаемая *въ неопредѣленномъ вліяніи, не имѣющемъ никакой твердой формы, никакого органа для своего проявленія и въ государствѣ, конечно, имѣется такое неорганизованное воздѣйствіе однихъ членовъ на другихъ. Но насколько такое воздѣйствіе не организовано, оно и не составляетъ элемента государственной власти.* Только тѣ элементы общественной силы являются элементами государственной власти, которые получили опредѣленную организацію. Иначе эти элементы общественной силы составляютъ только общую фактическую почву, на которой развивается государственная власть, не являются ея составными элементами и могутъ стоять къ ней даже въ отношеніи антагонизма **).

Эти разсужденія, конечно, вполнѣ справедливы и могутъ служить самымъ лучшимъ опроверженіемъ того утвержденія почтеннаго автора, по которому можетъ быть принято наукой лишь такое опредѣленіе государственной власти, которое объяснило бы *все разнообразіе явленій властованія безо всякихъ исключеній*. Государство властвуетъ не только какъ юридически организованная сила, но и какъ сила фактическая. Подданный связанъ съ государствомъ цѣлою цѣпью фактическихъ отношеній, физіологическихъ, психическихъ, экономическихъ и в. др., которыя тягогѣютъ надъ нимъ, властвуютъ надъ нимъ ***). То опредѣленіе, которое даетъ государственной власти г. Коркуновъ, какъ силы, не предполагающей воли со стороны властвующаго, приложимо, пожалуй, къ воздѣйствію государства, какъ фактической силы, но, во всякомъ случаѣ, не примѣнимо къ воздѣйствію государственной власти, какъ организованной юридической

*) Тамъ же, стр. 159.

**) *Лекціи по общей теоріи права.* 1887 г., стр. 224.

***) *Лекціи по общей теоріи права.* 1894 г., стр. 246.

силы, а только послѣдняя, какъ это вытекаетъ изъ только что приведенныхъ словъ г. Коркунова, и является государственною властью въ точномъ смыслѣ этого слова.

«Отличительная черта государства,—говоритъ г. Коркуновъ въ другомъ мѣстѣ,—заключается въ принудительномъ характерѣ его власти» *). Этотъ принудительный характеръ государственной власти и отличаетъ ее отъ властей всѣхъ другихъ союзовъ. «Дѣйствительная отличительная особенность государства,—по мнѣнію г. Коркунова,—это то, что оно одно осуществляетъ самостоятельно принудительную власть. Всѣ другіе союзы, какъ бы они ни были самостоятельны въ другихъ отношеніяхъ, функцію принужденія осуществляютъ только по уполномочію и подъ контролемъ государства. Такимъ образомъ, государство является *какъ бы монополистомъ* принужденія» **). Опредѣляя такимъ образомъ государственную власть, г. Коркуновъ слѣдуетъ Іерингу, у котораго и заимствуетъ самое выраженіе «монополистъ принужденія». «Необходимымъ признакомъ государственной власти,—говоритъ Іерингъ,—обусловленнымъ цѣлью государства, является то, что она представляетъ собою высшую, надъ всякою другою властью въ предѣлахъ государства возвышающеюся властью» ***). «Безусловное господство государственной власти находитъ себѣ юридическое выраженіе въ томъ, что она одна обладаетъ исключительною властью принужденія. Право принужденія является абсолютною монополіей государства» ****). Что же такое принужденіе? «Подъ принужденіемъ въ широкомъ смыслѣ,—отвѣчаетъ Іерингъ,—мы понимаемъ осуществленіе извѣстной цѣли посредствомъ преодолѣнія чужой воли. Понятіе принужденія предполагаетъ субъектъ воли, какъ съ активной, такъ и съ пассивной стороны» *****).

Существенная черта государственной власти, отличающей ее отъ всѣхъ другихъ властей заключается, такимъ образомъ, въ тотъ, что только она принуждаетъ, принужденіе же немыслимо безъ принуждающей воли. Власть государства нельзя поэтому мыслить иначе, какъ силой, предполагающей волю.

Г. Коркуновъ не оставляетъ далѣе никакого сомнѣнія въ томъ, что государственная власть во всѣхъ своихъ реальныхъ проявленіяхъ вся безъ остатка сводится къ актамъ, которые предполагаютъ волю. «Акты властвованія,—говоритъ почтенный профессоръ,—могутъ быть крайне разнообразны, но всѣ они могутъ быть сведены къ нѣсколькимъ общимъ, какъ бы типическимъ формамъ. Основною формой актовъ властвованія является принужденіе... Но однимъ только непосредственнымъ принужденіемъ дѣйствія власти не могутъ ограничиваться... Государственная власть не только

*) *Указъ и законъ*, стр. 182.

**) *Лекціи по общей теоріи права.* 1894 г., стр. 239. *Русское государственное право*, стр. 4 и 5.

***) *Jhering*: „Zweck im Recht“. Т. I. 1877 г., стр. 310.

****) Тамъ же, стр. 316.

*****) Тамъ же, стр. 238.

принуждаетъ, но и повелѣваетъ, и даже повелѣваетъ чаще, чѣмъ принуждаетъ. Хотя основная форма актовъ властвованія есть принужденіе, но самая распространенная форма—повелѣніе» *).

Принужденіе немыслимо, какъ мы видѣли, безъ принуждающаго субъекта воли, повелѣніе еще менѣе допустимо безъ воли. Государственная же власть въ своихъ реальныхъ проявленіяхъ вся безъ остатка сводится къ принужденію и къ повелѣнію; она, другими словами, немыслима безъ воли, которая бы принуждала и повелѣвала.

Г. Коркуновъ, такимъ образомъ, самъ помогъ намъ указать на слабыя стороны его «доктрины субъективнаго реализма», и мы хорошо сдѣлали, что прослѣдили его интересныя разсужденія до конца и подъ его руководствомъ пришли къ выводу, *что государственная власть не является какою-то слѣпою, стихійною силой, лишенною способности выражать волю и дѣйствовать самопроизвольно, а представляетъ собою активную силу, способную хотѣть и дѣйствовать въ виду тѣхъ цѣлей, которыя поставлены государственному общежитію.*

## Отдѣлъ II.

### Идеалистическое направленіе.

Обращаемся теперь къ той группѣ писателей, которые объясняютъ юридическую связь, объединяющую людей въ государство, не личнымъ господствомъ, а общественнымъ господствомъ,—другими словами, не личною волей властителей, а общественною волей государства.

Для писателей этой группы государство не есть сумма лицъ, связанныхъ подчиненіемъ естественной волѣ физическихъ лицъ, это—самостоятельное цѣлое, которое имѣетъ свои цѣли, свою волю, свою дѣятельность.

Писатели этой группы опредѣляютъ, однако, различно природу этого цѣлаго.

Одни объясняютъ единство государства тѣмъ, что видятъ въ государствѣ организмъ, другіе утверждаютъ, что государство, какъ цѣлое, представляетъ собою юридическое лицо; они думаютъ, что понятіе юридическаго лица всего точнѣе и вѣрнѣе опредѣляетъ природу государства, какъ воле-и дѣеспособнаго цѣлаго.

### I.

### Органическое ученіе.

Писатели органической школы представляютъ теперь лишь небольшую группу, стоящую особнякомъ, и являются послѣдними представителями отживающаго направленія **).

---

*) *Русское государственное право,* стр. 256 и 257.

**) Всего послѣдовательнѣе проводитъ идею органической школы молодой писатель Hugo Preuss, ученикъ и поклонникъ Гирке, въ своей книгѣ: *Gemeinde, Staat, Reich als Gebietskörperschaften,* 1889.

Органическое ученіе играло когда-то видную роль и могло считаться господствующимъ въ нѣмецкой литературѣ. Это было въ то, къ счастію для нашей науки, отошедшее въ давнее прошлое время, когда такъ называемое «общее государственное право» *) ставило себѣ цѣлью не изученіе юридической природы государства, а хотѣло быть общимъ ученіемъ о государствѣ, трактовавшимъ о всевозможныхъ вопросахъ со всевозможныхъ точекъ зрѣнія: тутъ можно было встрѣтить и общія разсужденія о происхожденіи, основаніи и цѣли государства, и пестрыя картины различныхъ государственныхъ формъ въ различныя времена и у различныхъ народовъ, и описанія сословнаго и экономическаго строя общества на различныхъ ступеняхъ человѣческаго развитія.

Программу этихъ вопросовъ, столь многосложную и притязательную, органическое ученіе унаслѣдовало отъ школы естественнаго права. Самый же характеръ разрѣшенія этихъ вопросовъ представителями органическаго направленія обусловливался ихъ оппозиціей противъ того ученія раціонализма, которое видѣло въ государствѣ договорное отношеніе, искусственное созданіе, всецѣло въ своемъ основаніи и въ своемъ дальнѣйшемъ существованіи зависѣвшее отъ доброй воли людей. Этому ученію о государствѣ, какъ объ искусственномъ учрежденіи, органическое ученіе противупоставило воззрѣніе на государство, какъ на организмъ, въ своемъ происхожденіи и въ своемъ ростѣ такъ же независимый отъ человѣческаго произвола, какъ и другіе организмы, зарождающіеся и развивающіеся безсознательно и непроизвольно по неизмѣннымъ законамъ неумолимой природы.

Но если теоретическій мотивъ органическаго направленія, объясняющійся реакціей противъ односторонняго воззрѣнія на государство естественной школы, и имѣетъ свое оправданіе, то самое опредѣленіе государства организмомъ, во всякомъ случаѣ, нельзя признать удовлетворительнымъ.

Если можно пользоваться понятіемъ организма для объясненія природы государства, то только какъ сравненіемъ, которое, какъ всякое сравненіе, иллюстрируетъ примѣрно извѣстныя стороны явленія, а не охватываетъ всесторонне самую природу явленія. Сравнивая государство съ организмомъ, мы указываемъ лишь на одну изъ сторонъ государства, на ту именно, которая обнимаетъ безсознательно дѣйствующіе факторы. Мы этимъ сравненіемъ упускаемъ изъ виду другую сторону, ту именно, которая всего болѣе интересуетъ юриста: правовая структура государства не ростетъ органически, а является сознательнымъ творчествомъ людей, которые приспособляютъ юридическія нормы къ своимъ потребностямъ и создаютъ ихъ согласно своимъ воззрѣніямъ. Юридическую структуру государства нельзя сравнивать съ естественною структурой организма, какъ это дѣлаетъ Лоренцъ Штейнъ, видящій въ государствѣ человѣческій организмъ въ большихъ размѣрахъ. Такое воззрѣніе является крупнымъ заблужденіемъ, ко-

---

*) Образцомъ такого общаго ученія о государствѣ можетъ служить книга *Блунчли*: „Allgemeines Staatsrecht“.

торое можно объяснить только остатками пережитаго направленія, орудовавшаго непригодными для правовѣда метаюридическими понятіями. Юристъ ищетъ, прежде всего, ясныхъ и точныхъ понятій. И такимъ понятіемъ, во всякомъ случаѣ, не является та мистическая личность, которую описываетъ Штейнъ. И заслуга Гербера *) заключается именно въ томъ, что онъ первый рѣшительно возсталъ противъ этого мистицизма въ юриспруденціи и разъ навсегда вычеркнулъ понятіе организма изъ круга тѣхъ понятій, которыми долженъ орудовать юристъ.

## II.

## Юридическая школа.

Юридическая школа, наиболѣе видными представителями которой являются Лабандъ и Еллинекъ, замѣняютъ понятіе организма понятіемъ юридическаго лица.

Опредѣляя человѣка или человѣческій союзъ юридическимъ лицомъ, эти писатели указываютъ не на естественное свойство, а на свойство юридическое, на то свойство, въ силу котораго этотъ человѣкъ или союзъ является субъектомъ правъ **).

Рабъ былъ физическимъ лицомъ, но не былъ лицомъ юридическимъ, онъ былъ homo, а не persona. Утверждая это, мы говоримъ, что рабъ не обладалъ юридическимъ свойствомъ—быть субъектомъ правъ. «Юридическое понятіе лица,—говоритъ Лабандъ ***),—означаетъ ничто иное, какъ правоспособность; лицо въ юридическомъ смыслѣ указываетъ на одно только свойство, которымъ все это понятіе и исчерпывается. Это свойство—быть субъектомъ правъ». «Юридическимъ лицомъ, — говоритъ Бернацикъ ****), резюмируя взгляды современныхъ писателей,—является всякій человѣкъ или всякій союзъ, за которымъ правовый порядокъ признаетъ способность быть носителемъ субъективнаго права».

Юридическое лицо не есть поэтому фикція, способъ юридической конструкціи. Если я говорю, что современный человѣкъ является не только физическимъ, но и юридическимъ лицомъ, то я, конечно, ничего не фингирую, а только выражаю общепризнанный принципъ, по которому современное государство не знаетъ безправныхъ людей. Но я также ничего не фингирую, когда я говорю, что наша сельская община—юридическое лицо; я этимъ только констатирую, что наше законодательство признаетъ сельскую общину правоспособнымъ цѣлымъ, обладающимъ правомъ пріобрѣтать имущество, выступать отвѣтчикомъ и истцомъ на судѣ и т. д.

---

*) *Gerber*: „Grundzüge des deutsches Staatrechts“, 1869 г., стр. 211—219.

**) *Jellineck*: „Gesetz u. Verordnung“, стр. 193.

***) *Staatsrecht des deutschen Reiches*. 2-е изд., т. I, стр. 78.

****) *Bernatzik*: „Kritische Studien ueber den Begriff der juristischen Person und ueber die juristische Persönlichkeit der Behörden insbesondere“ Archiv für öffentliches Recht“. B. V, стр. 193.

Въ этомъ смыслѣ, конечно, и государство—юридическое лицо, ибо и оно является субъектомъ правъ. Но мы думаемъ, вмѣстѣ съ Генелемъ *), что это понятіе далеко не исчерпываетъ специфическія черты юридической природы государства. Чтобы точнѣе опредѣлить эти черты, нужно сравнить государство съ другими общественными союзами и показать, по какимъ юридическимъ признакамъ можно отличить государство отъ всякаго другого человѣческаго соединенія. Это и составитъ задачу послѣдующаго изложенія.

## ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

### Опредѣленіе государства и государственной власти.

## Отдѣлъ I.

### Опредѣленіе государства.

### I.

### Классификація общественныхъ союзовъ.

I. *Союзы, основанные на началѣ неравенства* (союзы личнаго господства).

Всѣ человѣческія соединенія могутъ быть раздѣлены на двѣ группы: одни основаны на началѣ равенства, другія на началѣ неравенства. Первыя предполагаютъ лицъ, входящихъ въ союзъ, равными въ смыслѣ ихъ одинаковой способности содѣйствовать цѣлямъ союза, хотя степень этого содѣйствія можетъ быть безконечно разнообразна. Вторыя, напротивъ, предполагаютъ людей неравными въ томъ смыслѣ, что однихъ лицъ, принадлежащихъ къ союзу, считаютъ сильными, другихъ безсильными передъ тою задачей, которая поставлена союзу **).

Къ первой группѣ принадлежатъ и церковь, и акціонерная компанія, и сельская община, и промышленное товарищество, и монашескій орденъ, и ученое общество. Какія бы различныя цѣли эти союзы ни преслѣдовали, какъ бы разнообразна ихъ организація ни была, всѣ они имѣютъ то общее между собою, что лица, входящія въ ихъ составъ, признаются одинаково способными служить тѣмъ интересамъ, которые объединили ихъ въ союзъ.

Совершенно не то видимъ мы въ союзахъ, основанныхъ на началахъ неравенства. Сюда относится семья, союзы господина и раба, помѣщика и крѣпостного, сюда же принадлежитъ и патримоніальное государство.

---

*) *Haenel*: „Deutsches Staatsrecht". I B., стр. 182.

**) Интересную классификацію общественныхъ союзовъ, не лишенную оригинальности, даетъ *Haenel*: „Deutsches Staatsrecht". I B., стр. 75—81. Хотя мы отъ нея и отступаемъ въ существенныхъ пунктахъ, тѣмъ не менѣе, мы обязаны ей нѣкоторыми новыми точками зрѣнія. То, чему мы въ предложенной нами классификаціи склонны придать наибольшее значеніе, это—раздѣленіе всѣхъ человѣческихъ соединеній по началу равенства. Мы думаемъ, что, различая союзы личнаго господства отъ союзовъ общественнаго господства, мы нашли существенный признакъ, отличающій современное государство отъ государства стараго порядка.

О равенствѣ членовъ тутъ не можетъ быть и рѣчи. Рабъ безсиленъ и безправенъ передъ своимъ господиномъ; члены семьи безпомощны передъ тою цѣлью, носителемъ которой являются paterfamilias; сидящіе на землѣ помѣщика крѣпостные бѣдны и хилы передъ богатствомъ и силою помѣщика. Это—не союзъ равныхъ; это—союзъ слабыхъ съ сильными; первые ищутъ покровительства у вторыхъ, подчиняются ихъ власти, признаютъ ихъ своими господами.

II. *Союзы, основанные на началѣ равенства* (союзы общественнаго господства).

Союзы, основанные на началѣ равенства, можно раздѣлить на двѣ группы по различію тѣхъ интересовъ, которые они преслѣдуютъ.

Интересы, опредѣляющіе вообще дѣятельность людей, двоякаго рода: есть интересы, которые по силамъ индивидуальной дѣятельности и есть такіе интересы, которые превышаютъ силы отдѣльнаго человѣка и къ которымъ человѣкъ можетъ стремиться не иначе, какъ въ союзѣ съ себѣ подобными.

Обмѣнивать, продавать, торговать, вести промышленное дѣло, нанимать землю, обрабатывать ее,—все это такого рода дѣятельность, съ которой могутъ совладать мои личныя силы и для веденія которой я не долженъ непремѣнно соединяться въ союзы съ другими. Интересы же общественнаго порядка, интересы религіознаго міра, интересы культурнаго развитія и т. п.,—это такіе интересы, передъ которыми я со своими индивидуальными силами совершенно безпомощенъ и которые я не могу преслѣдовать иначе, какъ въ союзѣ съ другими.

Въ области интересовъ первой группы человѣкъ преслѣдуетъ только свои интересы; мотивомъ его дѣятельности является эгоизмъ. Купецъ идетъ на рынокъ продавать свой товаръ; его интересъ не ищетъ другого купца, предлагающаго такой же товаръ, какъ и онъ,— онъ ищетъ не купца, а покупателя; тутъ происходитъ не союзъ общихъ интересовъ, а обмѣнъ противуположныхъ интересовъ. Человѣкъ же, который ищетъ охраны порядка, охраны безопасности, который нуждается въ общественной школѣ, въ церкви, въ путяхъ сообщенія,— такой человѣкъ ищетъ подкрѣпленія своимъ силамъ, такой человѣкъ ищетъ союза, который объединилъ бы его силы съ силами другихъ ради общихъ цѣлей. Онъ не ищетъ людей съ противуположными интересами; онъ не идетъ одинъ по дорогѣ, чтобы встрѣтиться съ другимъ, идущимъ съ противуположной стороны, онъ ищетъ попутчика, чтобъ идти съ нимъ рука объ руку къ общей цѣли. Тутъ, въ этой области интересовъ, сказываются уже другіе мотивы; одинъ эгоизмъ тутъ недостаточенъ, тутъ требуется и умѣнье желать того, чего желаютъ другіе, и способность подчинять свои интересы интересамъ другихъ. Это— не область индивидуальной свободы, а область общественной связанности; тутъ человѣкъ не только свободно распоряжается, но и безмолвно повинуется, тутъ складывается и идея власти, и идея подчиненія.

Различіе между этими двумя группами интересовъ и обусловливаетъ собою раздѣленіе общественныхъ союзовъ, основанныхъ на началѣ равенства, на два вида. Къ первому относятся союзы, преслѣдующіе индивидуальные интересы (товарищества), ко второму—союзы, преслѣдующіе общественные интересы (корпораціи).

А. Союзы, преслѣдующіе индивидуальные интересы (товарищество, societas).

Интересы первой группы, сказали мы выше, по силамъ индивидуальной самодѣятельности: они могутъ быть преслѣдуемы и человѣкомъ, особнякомъ стоящимъ, но изъ этого не слѣдуетъ, что они непремѣнно должны быть преслѣдованы усиліями отдѣльныхъ лицъ. Мы нерѣдко видимъ, что люди, преслѣдуя исключительно свои индивидуальные интересы, ради болѣе успѣшнаго преслѣдованія ихъ, соединяются съ другими. Индивидуальные интересы не превращаются, однако, этимъ въ общественные и нисколько своихъ эгоистическихъ мотивовъ и цѣлей не утрачиваютъ. У меня есть земля, я хочу ее эксплуатировать, чтобы получить съ нея доходъ, но у меня нѣтъ денегъ; я нахожу капиталиста, который вступаетъ со мной въ компанію, преслѣдуя такіе же эгоистическіе интересы, какъ и я: онъ хочетъ выгодно помѣстить свой капиталъ, какъ я хочу получить доходъ съ своей земли. Но ни я, ни онъ ничего не смыслимъ въ хозяйствѣ; мы находимъ агронома, который вступаетъ въ наше товарищество. И агрономъ соединяется съ нами изъ чисто-эгоистическихъ побужденій: онъ желаетъ получить процентъ со своего знанія, какъ я его хочу получить со своей земли, а капиталистъ со своего капитала. Наше товарищество ведетъ общее предпріятіе, преслѣдуетъ общій интересъ товарищей. Но этотъ общій интересъ ничто иное, какъ совокупность личныхъ интересовъ товарищей; если можно говорить тутъ объ общей волѣ, руководящей дѣлами товарищества, то эта общая воля ничто иное, какъ сумма волей отдѣльныхъ товарищей. Каждый, подчиняясь ей, подчиняется своей собственной волѣ, слѣдуетъ внушеніямъ своего личнаго интереса. Всѣ участвуютъ въ выгодахъ общаго предпріятія, въ общемъ интересѣ, но только соотвѣтственно той долѣ, которою участникъ участвуетъ въ предпріятіи. Общій интересъ можетъ быть выраженъ въ цифрахъ и цифрами же опредѣляется выгода, которую извлечетъ каждый изъ предпріятія *).

В. Союзы, преслѣдующіе общественные интересы (корпорація, universitas).

Союзы, въ которые люди соединяются ради преслѣдованія общественныхъ интересовъ, характеризуются иными чертами.

Соединяются ли люди въ союзы ради взаимной безопасности, или ради проведенія общественной дороги, или ради борьбы съ эпидеміей,—во всякомъ случаѣ, отдѣльный человѣкъ съ его эгоистическими мотивами безсиленъ передъ этимъ интересомъ; рычагомъ же дѣятельности этихъ союзовъ

*) *Jhering*: „Zweck im Recht“. Т. I, стр. 216, 217, 224, 225, 298, 299.

являются не внушенія личнаго интереса, а сознаніе общей пользы. Интересы, которые защищаютъ эти союзы, такого свойства, что они всѣмъ одинаково близки. Они ничего не могутъ потерять отъ того, что ими будутъ пользоваться не только я, но и другіе,—напротивъ, они будутъ тѣмъ лучше обезпечены, чѣмъ въ заботахъ о нихъ будетъ участвовать большее число лицъ и чѣмъ большее количество людей будетъ ими пользоваться; и они тѣмъ болѣе будутъ удовлетворять своему назначенію, чѣмъ менѣе соображеніе моего личнаго интереса или частнаго интереса другихъ будетъ на нихъ воздѣйствовать. Тѣ блага, которыя составляютъ предметъ этихъ интересовъ, идеальнаго свойства: они дѣлежу не подлежатъ и допускаютъ только общее пользованіе. Во всѣхъ этихъ союзахъ общественный интересъ отдѣляется, такимъ образомъ, отъ личнаго интереса членовъ, а общее дѣло, которое преслѣдуютъ эти союзы, получаетъ самостоятельное отъ частныхъ интересовъ значеніе.

### 1. *Произвольные и непроизвольные союзы, преслѣдующіе общественные интересы.*

Союзы, преслѣдующіе общественные интересы, очень разнообразны. Ихъ опять же можно раздѣлить на двѣ группы, по различію тѣхъ общественныхъ интересовъ, которые они преслѣдуютъ.

Есть общественные интересы, преслѣдованіе которыхъ для каждаго человѣка является неотразимымъ требованіемъ его культурнаго прошлаго и не зависитъ поэтому отъ его доброй воли: онъ долженъ ихъ преслѣдовать, если не хочетъ отказаться отъ общенія съ себѣ подобными. И есть другіе интересы, которые такимъ неотразимымъ требованіемъ не являются: отъ доброй воли каждаго зависитъ преслѣдовать ихъ или нѣтъ.

Союзы, преслѣдующіе интересы перваго рода, называются непроизвольными союзами: къ нимъ принадлежатъ корпораціи публичнаго права (государство, церковь, община). Союзы, преслѣдующіе интересы второго рода, называются произвольными союзами; къ нимъ принадлежатъ корпораціи гражданскаго права.

### 2. *Территоріальные и личные союзы.*

Между неотразимыми общественными интересами есть опять такіе, которые могутъ быть осуществлены не иначе, какъ союзомъ, занимающимъ опредѣленную территорію, и есть, напротивъ, такіе, которые не предполагаютъ такого необходимаго отношенія къ территоріи.

Люди, которые объединены въ церковь своими религіозными интересами, могутъ преслѣдовать ихъ совершенно независимо отъ той территоріи, на которой они находятся. Церковь для преслѣдованія своихъ интересовъ не нуждается въ опредѣленной территоріи, область ея дѣятельности не ограничивается никакими внѣшними предѣлами. Церковь есть союзъ личный, а не территоріальный; ея необходимымъ матеріальнымъ субстратомъ являются не люди и территорія, а только люди. Сельская же об-

щина не можетъ вести своего общественнаго хозяйства и исполнить возложенныя на нее государственныя обязанности иначе, какъ на опредѣленной территоріи. Въ такой территоріи, само собою разумѣется, нуждается и современное государство, которое только въ своей территоріи находитъ твердую точку опоры для своей многосложной дѣятельности.

## II.

## Опредѣленіе государства.

Вся земная поверхность, занятая культурнымъ человѣчествомъ, вся безъ остатка распредѣлена между отдѣльными государствами. Они не объединены высшимъ организованнымъ союзомъ общественнаго господства, ибо международный союзъ, если о немъ вообще можетъ идти рѣчь, таковымъ пока не является. Всѣ поэтому территоріальные союзы, которые являются организованными союзами общественнаго господства, подчинены тому или другому государству, которое при данныхъ условіяхъ нашей культуры является поэтому высшимъ территоріальнымъ союзомъ общественнаго господства. А такъ какъ всякій территоріальный союзъ является, вмѣстѣ съ тѣмъ, непроизвольнымъ союзомъ, то мы можемъ опредѣлить государство высшимъ территоріальнымъ союзомъ общественнаго господства.

И такъ, современное государство является, во-первыхъ, союзомъ общественнаго господства, и этимъ оно отличается отъ союзовъ личнаго господства, которые основаны на началѣ неравенства и представляютъ собою союзъ слабыхъ съ сильными. Современное государство есть союзъ равныхъ: передъ лицомъ современнаго государства нѣтъ сильныхъ, которые были бы призваны властвовать надъ слабыми, нѣтъ слабыхъ, которые были бы призваны подчиняться сильнымъ, нѣтъ вообще власти лица надъ лицомъ. *Опредѣляя современное государство союзомъ общественнаго господства, мы этимъ подчеркиваемъ ту его отличительную черту, которая характеризуетъ его какъ союзъ равныхъ, а, слѣдовательно, и свободныхъ людей, признающихъ надъ собою не личную власть, а только власть общественную.*

Современное государство является, во-вторыхъ, высшимъ территоріальнымъ союзомъ.

Всѣ территоріальные союзы преслѣдуютъ необходимые интересы общежитія. Если же государство является высшимъ территоріальнымъ союзомъ, то оно и должно преслѣдовать интересъ, который является высшимъ по отношенію ко всѣмъ другимъ интересамъ, преслѣдуемымъ территоріальными союзами.

Этимъ высшимъ интересомъ является интересъ правоваго порядка.

Ни одинъ союзъ, ни одно общество немыслимо безъ правоваго порядка, т.-е. безъ принудительныхъ нормъ, которыя разграничивали бы сферу интересовъ и область дѣятельности отдѣльныхъ людей и союзовъ и опредѣляли бы формы ихъ совмѣстной дѣятельности.

Принудительный порядокъ есть необходимое условіе всякаго общества; человѣкъ, который не хочетъ отказаться отъ общежитія съ людьми, никуда отъ этого порядка не уйдетъ и нигдѣ отъ него не скроется.

Если бы люди, проникнутые религіозными интересами, напримѣръ, тяготясь этимъ внѣшнимъ порядкомъ, пожелали бы уйти отъ него и съ этою цѣлью скрылись бы на необитаемый островъ, то они, если бы только не обратились въ ангеловъ, а остались бы людьми, должны были бы начать съ того, чтобъ установить между собою порядокъ, т.-е. учредить то государство, изъ-подъ власти котораго они бѣжали на свой необитаемый островъ. А если на этотъ островъ переселился бы другой общественный союзъ, то произошло бы одно изъ двухъ: или оба эти союза подѣлили бы между собою островъ, каждый имѣлъ бы свою территорію и представлялъ бы собою особое государство, или же между этими двумя союзами возникла бы борьба, которая повела бы къ тому, что одинъ изъ союзовъ остался бы побѣдителемъ и сдѣлался бы господиномъ острова; тогда образовалось бы одно государство, которое охраняло бы внѣшній принудительный порядокъ на всемъ пространствѣ государства-острова.

Мы сказали выше, что вся поверхность земного шара, занятая культурнымъ человѣчествомъ, распредѣлена безъ остатка между отдѣльными государствами; надъ ними не возвышается другого организованнаго территоріальнаго союза; и вотъ почему высшій, т.-е. необходимый, интересъ общежитія охраняется отдѣльными государствами. Если же бы международный союзъ выросъ на степень организованнаго союза, и онъ, а не государство, сталъ бы высшимъ территоріальнымъ союзомъ, то онъ, а не государство, охранялъ бы внѣшній принудительный порядокъ, отдѣльныя же государства снизошли бы на степень такихъ подчиненныхъ территоріальныхъ союзовъ, какими являются въ настоящее время члены Германской имперіи, швейцарскіе кантоны и сѣверо-американскіе штаты.

*Охраненіе принудительнаго порядка, какъ высшаго общественнаго интереса, всегда останется задачей высшаго территоріальнаго союза. А такъ какъ при данныхъ условіяхъ культурной жизни такимъ высшимъ территоріальнымъ союзомъ является государство, то охраненіе принудительнаго порядка и составляетъ специфическую задачу государства.*

Само собою разумѣется, что государство преслѣдуетъ и цѣлый рядъ другихъ интересовъ: оно строитъ и пути сообщенія, и школы, и церкви, и больницы, и богадѣльни, и музеи, оно содѣйствуетъ развитію и торговли, и промышленности, и земледѣлія, и наукъ, и искусствъ. Но всѣ эти интересы преслѣдуются не только государствомъ, но и другими общественными союзами; охраненіе же правоваго порядка составляетъ, по мѣткому выраженію Іеринга, исключительную монополію государства.

Этотъ общественный интересъ мы называемъ высшимъ въ томъ смыслѣ, что, во-первыхъ, онъ представляетъ собою самое необходимое условіе всякаго общежитія, а, во-вторыхъ, въ томъ смыслѣ, что онъ является не-

отразимымъ предположеніемъ для осуществленія всѣхъ другихъ общественныхъ интересовъ.

Дѣятельность государства обнимаетъ всѣ общественные интересы не въ томъ смыслѣ, что оно одно беретъ на себя ихъ осуществленіе, а лишь въ томъ, что оно, и только оно, создаетъ необходимыя условія для ихъ осуществленія.

*Мы поэтому можемъ опредѣлить современное государство европейской культуры, какъ высшій территоріальный союзъ общественнаго господства, преслѣдующій неотразимый интересъ всякаго общежитія, — интересъ принудительнаго порядка.*

## Отдѣлъ II.

### Опредѣленіе государственной власти.

### I.

### Организація общественныхъ союзовъ.

*I. Организація союзовъ, основанныхъ на началѣ неравенства.*

Всѣ общественные союзы, къ какой бы категоріи они ни принадлежали, суть ничто иное, какъ соединенія отдѣльныхъ людей: дѣятельность и воля этихъ союзовъ есть поэтому воля и дѣятельность людей.

Противъ этого простого положенія никто, конечно, не возражаетъ и никто ничего возразить не можетъ.

Но если это простое утвержденіе и ничего спорнаго въ себѣ не заключаетъ, то за то и ровно ничего не объясняетъ.

Мы, конечно, знаемъ, что дѣятельность и государства, и акціонерной компаніи, и церкви, и семьи, есть дѣятельность людей, но мы, вмѣстѣ съ тѣмъ, знаемъ, что дѣятельность людей въ этихъ союзахъ отлична отъ дѣятельности людей внѣ союзовъ.

И это-то отличіе и подлежитъ объясненію.

Люди, преслѣдуя особнякомъ свои цѣли, дѣйствуютъ совершенно свободно и ничьею волей въ этой дѣятельности не связаны. Они сами ставятъ себѣ эти цѣли, сами выбираютъ тотъ образъ дѣйствія, который, по ихъ крайнему разумѣнію, обѣщаетъ имъ успѣхъ. Ихъ дѣятельность свободна и ничѣмъ не связана, кромѣ какъ общими условіями всякой человѣческой дѣятельности.

Дѣятельность же людей, направленная на осуществленіе цѣлей общественнаго союза, является всегда и вездѣ дѣятельностью не свободной, связанной не только общими условіями всякой человѣческой дѣятельности, но и особенными правилами, которыя установлены въ союзѣ для урегулированія и упорядоченія согласной совмѣстной дѣятельности людей, направленной на осуществленіе цѣлей общественнаго союза.

Эта организація есть дѣло рукъ человѣческихъ. Она не ростетъ и не развивается, она созидается и видоизмѣняется людьми. *Человѣкъ получилъ*

*ою организацію отъ природы: онъ имѣетъ естественную волю; общественные союзы получили свою организацію не отъ природы, а отъ людей: она не имѣетъ естественной воли, а волю искусственную, какъ результатъ данной имъ людьми организаціи.*

*Эта искусственная организація выражается въ нормахъ, которыя предъявляютъ, кто призванъ выражать и осуществлять волю союза и при какихъ условіяхъ, въ какихъ формахъ и въ какихъ предѣлахъ воля и дѣятельность этихъ лицъ, именуемыхъ органами союза, признается волею и дѣятельностью союза.*

Эта организація въ различныхъ союзахъ бываетъ различна.

Въ союзахъ личнаго господства, основанныхъ, какъ мы знаемъ, на началѣ неравенства и представляющихъ собою ничто иное, какъ союзъ слабыхъ съ сильными, организація крайне проста и несложна.

Она отражаетъ фактическія отношенія властвованія. Дѣятельность союза направляется тѣми, на чьей сторонѣ фактическая сила, остальные члены являются только подчиненными.

Въ союзахъ личнаго господства, возьмемъ ли римскую семью, или союзъ раба съ господиномъ, или помѣщика съ господиномъ, или же патримоніальное государство,—во всѣхъ этихъ союзахъ авторитетъ принадлежитъ сильному; воля союза есть личная воля сильнаго—воля господина, онъ только субъектъ власти, остальные только объекты его личной власти.

Та юридическая конструкція, которую даетъ государству Зейдель, вполнѣ примѣнима къ этого рода союзамъ. Въ нихъ дѣйствительно господствуетъ личная воля властителя и эта воля юридически ничѣмъ не связана; обязанность властителя блюсти интересы союза есть обязанность нравственная; въ самой же организаціи нѣтъ юридическихъ гарантій, которыя обезпечивали бы согласіе дѣятельности властвующей воли съ цѣлями союза.

*II. Организація союзовъ, основанныхъ на началахъ равенства.*

А. Организація товарищества.

Не менѣе проста, хотя и покоится на противуположномъ принципѣ, организація товариществъ (союзовъ, основанныхъ на началѣ равенства и преслѣдующихъ индивидуальные интересы).

Въ этихъ союзахъ нѣтъ сильныхъ и нѣтъ слабыхъ, всѣ признаются равноспособными. Здѣсь власть не можетъ быть предоставлена однимъ въ ущербъ другимъ: здѣсь она должна быть предоставлена всѣмъ. Согласная же дѣятельность всѣхъ обезпечивается тождественностью интересовъ, объединяющихъ членовъ въ союзъ. Члены товарищества преслѣдуютъ въ товариществѣ, какъ мы видѣли, вовсе не общественные интересы, которые могутъ противорѣчить индивидуальнымъ, а интересы именно индивидуальные. Соединеніе въ товарищество вызвано лишь желаніемъ болѣе успѣшнаго достиженія этихъ индивидуальныхъ интересовъ. Цѣль товарищества совпадаетъ съ цѣлями отдѣльныхъ участниковъ, интересы союза тождественны съ интересами отдѣльныхъ участниковъ. Общій интересъ такъ близокъ

каждому участнику, что совмѣстное преслѣдованіе не можетъ вызвать пре-
реканій, которыя нуждались бы въ разрѣшеніи высшимъ авторитетомъ,
какъ истолкователемъ интересовъ союза. Интересы союза суть ничто иное,
какъ сумма интересовъ участниковъ, воля союза ничто иное, какъ сумма
воль участниковъ, направленныхъ на тождественный интересъ. Каждый со-
храняетъ въ товариществѣ свою волю, которая хочетъ его личный инте-
ресъ, совпадающій съ личными интересами остальныхъ участниковъ.

Если въ союзахъ личнаго господства господствуетъ воля властителя,
которой всѣ другія подчиняются, то въ союзахъ товарищества господ-
ствуетъ воля всѣхъ; если въ первыхъ сильные только господствуютъ, а
слабые только подчиняются, то во вторыхъ всѣ властвуютъ и всѣ под-
чиняются и нѣтъ противуположности между властвующими и подчинен-
ми. И если конструкція, которую даетъ Зейдель государству, вполнѣ при-
мѣнима къ союзамъ личнаго господства, то та конструкція государства,
которую построяетъ Руссо въ своемъ *Cantrat Social*, вполнѣ примѣнима къ
союзу товарищества. Въ самомъ дѣлѣ и товарищества основаны на дого-
ворѣ всѣхъ участниковъ, и въ нихъ господствуетъ общая воля, и до нихъ
отдѣльный участникъ остается такимъ же свободнымъ въ союзѣ, какъ онъ
былъ до вступленія въ союзъ, и здѣсь онъ, подчиняясь общей волѣ, под-
чиняется только своей волѣ.

В. Организація корпораціи (организація государства—госу-
дарственное устройство).

Союзы общественнаго господства, преслѣдующіе общественные инте-
сы, къ которымъ, какъ мы показали, принадлежитъ и современное госу-
дарство европейской культуры, отличаются отъ союзовъ личнаго господ-
ства тѣмъ, что они, какъ и союзы товарищества, основаны на на-
чалѣ равенства. Это не союзъ слабыхъ съ сильными, это союзъ равныхъ;
здѣсь поэтому нѣтъ мѣста личной власти сильныхъ, здѣсь мѣсто только
господству общественному.

Но эти союзы, отличаясь, съ одной стороны, отъ союзовъ личнаго гос-
подства, отличаются, съ другой, отъ союзовъ товарищества тѣмъ, что пре-
слѣдуютъ не индивидуальные интересы, а интересы общественные.

Мы показали выше, въ чемъ отличіе тѣхъ и другихъ. Мы знаемъ, что
общественные интересы, въ отличіе отъ индивидуальныхъ, могутъ быть
осуществлены не иначе, какъ совокупными и согласными усиліями многихъ;
они для своего осуществленія требуютъ умѣнья отдѣльныхъ лицъ отказы-
ваться отъ своихъ индивидуальныхъ цѣлей ради достиженія общей цѣли,
они предполагаютъ умѣнье жертвовать своимъ личнымъ благомъ ради блага
общаго. Интересъ общественнаго союза не есть сумма интересовъ членовъ
этого союза, какъ въ товариществѣ; здѣсь интересъ союза не совпадаетъ
съ частными интересами отдѣльныхъ членовъ союза, а получаетъ свое са-
мостоятельное, независимое отъ индивидуальныхъ интересовъ значеніе.

Для того поэтому, чтобы цѣль союза могла быть достигнута наперекоръ
требованіямъ противорѣчащаго ей частнаго интереса, для этого не-

обходимъ независимый отъ личной воли отдѣльныхъ членовъ союза авторитетъ, который бы могъ сломить противодѣйствіе частнаго интереса *).

*Этимъ авторитетомъ не можетъ быть ни воля отдѣльнаго лица или отдѣльныхъ лицъ, какъ въ союзахъ личнаго господства, ни сумма всѣхъ индивидуальныхъ волей, какъ въ союзахъ товарищества,—это вообще не можетъ быть чьею-либо личною волей, это можетъ быть не естественная, а только воля искусственная, воля юридическая, которая добывается сложною искусственною организаціей.*

Эта организація должна создать такой авторитетъ, который хотѣлъ бы только общественный интересъ и который былъ бы облеченъ силою проводить этотъ общественный интересъ наперекоръ требованіямъ частнаго интереса. И эту-то искусственно организованную волевую силу, которая хочетъ и проводитъ общественный интересъ, мы называемъ властью союза **).

Организація, которая имѣетъ цѣлью создать такой авторитетъ въ государствѣ, называется государственнымъ устройствомъ. Это государственное устройство опредѣляетъ, во-первыхъ, *порядокъ призванія* государственныхъ органовъ, т.-е. тѣхъ лицъ, которыя предназначаются выражать и проводить волю государства. Оно, во-вторыхъ, опредѣляетъ, въ какихъ *формахъ* должна выражаться воля и дѣятельность этихъ органовъ, чтобъ имѣть юридическую силу воли и дѣятельности государства. Оно, въ-третьихъ, опредѣляетъ *компетенцію* этихъ органовъ, т.-е. тѣ юридическіе предѣлы, въ границахъ которыхъ воля и дѣятельность этихъ органовъ признается волею и дѣятельностью государства ***). Эта компетенція устанавливаетъ взаимныя отношенія органовъ, изъ которыхъ одни сопоставляются въ одинъ рядъ, другіе подчиняются другъ другу. Образуется, такимъ образомъ, лѣстница отношеній, которая располагаетъ всѣ государственные органы въ извѣстномъ іерархическомъ порядкѣ. Этотъ іерархическій порядокъ представляетъ собою въ каждомъ государствѣ, будь то монархія, будь то республика, какъ бы пирамиду съ широкимъ основаніемъ и съ конечною вершиной. Этимъ широкимъ основаніемъ являются тѣ государственныя учрежденія, которыя равномѣрною сѣтью разстилаются по всей территоріи государства и которыя образуютъ низшія инстанціи; вершину же образуетъ тотъ государственный органъ, который стоитъ во главѣ всѣхъ органовъ и который служитъ внѣшнимъ представителемъ единства государ-

*) *Jhering*: „Zweck im Recht". T. I, стр. 291, 292.

**) Организація этой власти есть дѣло рукъ человѣческихъ и, какъ все людьми созидаемое, имѣетъ свои недостатки. Она никогда не достигнетъ своего идеала; и какъ бы она искусно поставлена ни была, она никогда не возведетъ власть союза на степень безстрастнаго и безличнаго авторитета. Носителями этого авторитета все же являются люди, которые какими бы условіями ихъ ни обставлять и какими бы правилами ихъ дѣятельность ни урегулировать, все же останутся людьми, личныя страсти которыхъ всегда будутъ пробиваться и черезъ самую густую броню юридическихъ нормъ и искусственныхъ сдержекъ.

***) *Haenel*: „Studien zum deutschen Staatsrecht". 1888. B. II, S. 221. *Его же*: „Deutsches Staatsrecht". B. I, S. 84—89.

ственной власти. Всѣ эти органы объединены юридическими нормами, которыя имѣютъ цѣлью согласовать ихъ дѣятельность, предупреждать и улаживать могущіе возникнуть между ними споры и пререканія и возводить ихъ отдѣльные акты, связывающіе волю подданныхъ, на степень актовъ единой воли государства.

## II.

## Опредѣленіе государственной власти.

Подводя итогъ предшествующему изложенію, мы должны сказать, что власть государства не есть личная воля, какъ учитъ Зейдель и за нимъ Линггъ, что это и не фактическая слѣпая сила, безъ воли и безъ сознанія, какъ утверждаетъ г. Коркуновъ, мы должны сказать, что власть государства, какъ власть всякаго корпоративнаго союза, представляетъ собою искусственно организованную волевую силу, приспособленную къ охраненію того интереса, обезпеченіе котораго составляетъ специфическую задачу союза. Специфическая же задача государства, какъ мы знаемъ, заключается въ охраненіи принудительнаго порядка.

*Мы можемъ поэтому опредѣлить государственную власть, какъ искусственно организованную волевую силу, приспособленную къ охраненію принудительнаго порядка въ предѣлахъ даннаго государства.*

Государственная власть, въ виду именно того, что она, и только она, призвана охранять правовый порядокъ въ предѣлахъ территоріи государства, по самой природѣ своей должна быть властью въ юридическомъ отношеніи безусловной и неограниченной,—другими словами, должна обладать суверенитетомъ.

Въ самомъ дѣлѣ, только государству, какъ высшему территоріальному союзу, по силамъ обезпеченіе этого интереса. Интересъ же этотъ безусловно господствуетъ надъ всѣми другими интересами, являясь неотразимымъ условіемъ для преслѣдованія всѣхъ другихъ интересовъ. И вотъ почему одна только государственная власть безусловно господствуетъ надъ всѣми другими союзами и вотъ почему мы называемъ государство суверенным союзомъ, а власть государственную — властью суверенною.

Государственная власть суверенна, т.-е. власть высшая, неограниченная только въ указанномъ отношеніи, т.-е. въ томъ, что только она охраняетъ принудительный порядокъ въ предѣлахъ государства. Но государственная власть вовсе не является властью неограниченной въ другихъ отношеніяхъ: ея дѣятельность, какъ всякая человѣческая дѣятельность, ограничена общими условіями физическаго и психическаго міра и въ этомъ отношеніи никакого преимущества надъ властями другихъ союзовъ не имѣетъ. Государственная власть является далѣе властью суверенной и не въ томъ смыслѣ, что она охраняетъ высшій во всѣхъ отношеніяхъ интересъ. Есть интересы, которые въ извѣстныхъ отношеніяхъ шире и выше интереса принудительнаго порядка, защищаемаго государствомъ. Возьмемъ для при-

мѣра хотя бы интересы, охраняемые церковью: они не ограничены никакими внѣшними предѣлами и въ нравственномъ отношеніи стоятъ выше интересовъ, защищаемыхъ государствомъ. И власть церкви, какъ авторитета нравственнаго, поэтому, несомнѣнно, шире и выше власти государства. Но если власть церкви въ нравственномъ отношеніи и выше власти государства, то въ дѣлѣ охраненія правоваго порядка церковь должна безусловно склоняться передъ велѣніями власти государства,—другими словами, въ юридическомъ отношеніи власть государства господствуетъ надъ всѣми союзами, не исключая и церкви, и подчиняетъ ихъ всѣ своимъ цѣлямъ и своимъ правиламъ *).

*Во имя безусловнаго господства правоваго порядка, но только во имя его, современное государство европейской культуры, которое есть союзъ не личнаго, а общественнаго господства, обладаетъ властью высшею, безусловною,— обладаетъ суверенитетомъ.*

---

*) Только смѣшеніемъ юридической власти со властью нравственной можно объяснить слѣдующія странныя утвержденія г. Коркунова, которыми онъ хочетъ доказать ограниченность верховной власти: „Въ слѣдующемъ параграфѣ мы покажемъ, что государственная власть основывается на сознаніи людьми ихъ зависимости отъ государства. Но сознаніе это не можетъ быть безусловнымъ, потому что люди сознаютъ себя зависимыми не отъ одного государства, а и отъ всѣхъ другихъ непроизвольныхъ общеній. И если какое общеніе можетъ притязать на абсолютное надъ всѣми властвованіе, такъ это развѣ только церковь. Для вѣрующаго церковный авторитетъ, конечно, выше всякаго другого, такъ какъ священное писаніе учитъ насъ, что „должно повиноваться больше Богу, нежели человѣкамъ“ (*Дѣянія*, V, 29). Истинная церковь, какъ единая и вѣчная, не зависитъ, въ противуположность государству, отъ условій мѣста и времени. Наконецъ, въ ней дѣйствуетъ надъ всѣми стоящая божественная благодать. Поэтому никакъ нельзя утверждать, чтобы государство отличалось отъ церкви безусловностью и безграничностью власти“ (*Лекціи по общей теоріи права* 1894 г., стр. 238 и 239).